

Символ и символическое сознание

Н.В. Кулагина

кандидат философских наук,

руководитель проектов гуманитарной редакции московского представительства издательского дома «Питер»

Статья посвящена анализу символа, как необходимо присутствующего во всякой культуре медиатора отношений человека к миру, а также специфике символического сознания. Особое внимание уделяется различению знака и символа, своеобразию символа по сравнению со знаком. Утверждается, что символ выступает универсальным средством регуляции духовно-практического опыта, позволяя субъекту в ходе взаимодействия с реальностью обнаруживать и актуализировать смыслы целостного бытия, не объективируемые и не осознаваемые в рационально-знаковых формах. В статье формулируется гипотеза о том, что в структуре сознания следует выделять в целом особый тип сознания, в котором активны символические образования. Это область сознания, заряженная неосознаваемыми и бессознательными установками, глубинными личными смыслами и мотивами, которая проявляется в особой, нерелексированной, незнаковой форме – в виде символического сознания. Символические функции сознания задают целостность человеческого мировосприятия, определяя возможности заряженного личностными смыслами отношения людей к тому миру, в который они вписаны.

Ключевые слова: символ, знак, символическое сознание, аналогия, ассоциация, интерпретация, мировосприятие, смыслы, ценности, опыт.

Понятие «символ» употребляется необычайно широко и на поверхностный взгляд кажется достаточно ясным и понятным. Но дело обстоит не так просто, поскольку это понятие сходно с другими, близкими ему, такими, как «знак», «метафора», «аллегория», «эмблема». Часто они переплетаются, подменяя друг друга. Символ, являющийся специфическим средством отношения человека к миру, следует отличать от этих родственных ему, но тем не менее иных медиаторов, посредников взаимоотношений человека с миром и, прежде всего, от знака.

Анализ феномена этого смещения и демаркация символа от знака представляются нам весьма актуальными в связи с тем, что, на наш взгляд, в философском сознании и сознании культуры, в частности в теории и практике образования, наблюдается определенная недооценка функций символа в становлении сознания современного человека и гипертрофия роли знака и вербально-логического мышления в научном познании и обыденном сознании.

Символ и знак

На протяжении всего развития философии, вплоть до наших дней, мыслители, проявлявшие пристальное внимание к символу, отмечали его специфику и выделяли символ из сходных с ним поня-

тий. Так, А.Ф. Лосев отмечал, что в языках всех культурных народов упорным образом сохраняется этот термин. Греческим понятием «symbol», в отличие от понятия знака «semeion» или латинизированного «signum», терминологически закреплено различие между ними, сохранившееся во всех европейских языках. Но особенность, инаковость символа, отраженная даже в языке, не помешала его пониманию и использованию в культуре, в научной и художественной деятельности в качестве знака.

Наш анализ символа необходимо начать прежде всего с выявления свойств и функций сходных, общих для символа и знака, поскольку эта общность, по-видимому, и служит той основой, на которой базируется противоречивость в понимании и употреблении символа. Наряду с этим следует выделить специфические свойства и функции символа, позволяющие отграничить его от знака.

Проясним в общих чертах специфику знака. Под знаком, как правило, понимается особый вид бытия – не материальный и не идеальный. «Знак не является ни материальным телом, которое он обозначает, ни материальным носителем, без которого он фактически невозможен» [2, с. 237]. «Знак есть, прежде всего, единство обозначающего и обозначаемого. То есть он имеет двойственную природу» [19, с. 8].

С одной стороны, это чувственный объект, имеющий целый ряд собственных свойств, с другой – заместитель (представитель) иного предмета, обладающего своими свойствами, как правило совершенно отличными от его собственных природных свойств. Предмет обозначения может относиться к любой области действительности. Самым существенным свойством знака является его свойство репрезентировать что-то другое, отличное от него самого. Знак демонстрирует, манифестирует вещь, которую он обозначает, требует ее признания. Без обозначения вещи мы не могли бы знать о ее существовании. Это «отсылание» нас одним предметом к другому предмету есть значение «отсылающего». Значение служит неотъемлемым свойством знака, без значения он не существует, т. е. он тогда просто не служит знаком. Значение как функциональное свойство знака проявляется лишь в рамках знаковой деятельности. Ее специфика состоит в том, что мы оперируем одними чувственно воспринимаемыми предметами вместо других.

В вопросе обозначения как раз и коренится то общее, что роднит символ со знаком и дает основание для терминологической невнятицы.

Отношения обозначения «не предполагают необходимого наличия сходства; каких-либо общих черт между знаком и означаемым предметом» [8, с. 123]. Более того, отсутствие сходства между знаком и означаемым лучше всего выполняет семиотическую задачу – репрезентации. Целиком произвольные знаки наиболее эффективно реализуют принцип семиологического процесса.

Если же символы рассматривать с точки зрения несходства их формы с символизируемым, то здесь это несходство, как никогда, сильно и выражается в полном различии обозначающего и обозначаемого (например, птица – символ человеческой души или свеча – символ жизни индивидуума). С этой точки зрения символ ничем не отличается от знака. Объединяющий их момент заключается в том, что символ, как и знак, обозначает что-то, манифестирует нам вещь, и смысл этой вещи переносится совсем на другой предмет. Соединение конкретного предмета со смыслом совсем другого предмета, вещи и являет собой символ или знак.

Но, констатируя сходство знака и символа, отметим также и их различия, которые, с нашей точки зрения, весьма существенны.

Знак и означаемое, как правило (не будем забывать об иконических и индексальных знаках), различные по своему субстрату, не имеют между собой никакой ни формальной, ни сущностной связи, хотя и образуют единое значение. Символ и символизируемое, также различные по своему субстрату, имеют между собой внутреннюю (Э. Фромм) или естественную (Ф. де Соссюр) связь, как, например, в случае весов, символизирующих правосудие. Связь является внутренней, прежде всего, потому,

что внешнего, физического подобия между символом и символизируемым, как правило, не существует. Установление этой связи осуществляется опосредованно, на основе аналогий или ассоциаций. Возможность аналогии между различными уровнями физического и духовного мира, между внутренним миром и внешним основывается на присущем человеку бессознательном, интуитивном ощущении внутренней целостности и органического единства мироздания. По отношению к символу аналогия выполняет роль конструирующего принципа, осуществляя символический перенос на основе соответствия элементов, совпадения ряда свойств или каких-либо иных отношений между предметами, явлениями, процессами.

Если объекты совпадают по формальной, функциональной, структурной или какой-либо другой аналогии, то это выявляет их сущностное родство. Даже если они различны в экзистенциальном плане, символически они приравниваются и становятся взаимозаменяемыми. Символический потенциал как бы нанизывает разнообразные объекты на единую линию смысла, строит из них сети соответствий, в которых каждый предмет, явление могут быть приравнены к другому. (Тора – дерево – дом – храм – ступени – радуга выражают идею Центра мира, связи неба с землей.) В древности вокруг таких групп могли быть выстроены целые мифологии. Символ и выступает как некая целостность, гештальт, смысловой центр, содержащий глубинные смыслы, способный придавать феноменам природного, социокультурного или какого-либо иного плана, наделяемым символической функцией, качественно иное измерение, через цепь аналогий и ассоциаций.

Следующее важное различие между исследуемыми медиаторами заключается в том, что любой знак обычно обладает устойчивым значением и противится множественности его истолкований. Важнейшим условием функционирования знака является известное постоянство его понимания. Знак, обозначая что-то, указывает на определенные стороны вещи, извлекая их из всего целого смыслов или значений. Символ же втягивает в себя все мыслимые множества смыслов вещи. Он оказывается как бы центром всех смыслов, откуда может происходить их постепенное разворачивание. Эта особенность символа позволила С.С. Аверинцеву рассматривать его структуру как многослойную, рассчитанную на активную внутреннюю работу воспринимающего. По мысли А.Ф. Лосева, символ есть та обобщенная смысловая мощь предмета, которая, разлагаясь в бесконечный ряд, придает смысл и всей бесконечности частных предметов, смыслом которых она является, «но символ не просто обозначает бесконечное количество индивидуальностей, но он также есть и закон их возникновения» [11, с. 134].

Для знака полисемия есть скорее бессодержательная помеха, вредящая его рациональному функ-

ционированию в однозначном контексте. Символ же тем содержательнее, чем он более неоднозначен. Многозначность символа является одновременно его многоплановостью. Символ способен функционировать не на одном, а на всех уровнях реальности. При этом основной смысл приобретают различные частные аспекты значений.

Идея многоуровневости универсума, существующая в философии на протяжении ряда столетий, позволяет лучше понять и многомерность, многозначность, присущую символу. Согласно этим представлениям, Мир, Человек – это иерархии различных уровней объективной действительности. Эти уровни несводимы и невыводимы друг из друга, они существуют одновременно и всегда. В каждом присутствует универсальное всеобщее, но при этом нет непроходимой пропасти между духом и материей. При этом и самой субстанции присуща многоуровневость. Парадигма многоуровневости, или полионтичности, бытия принимает актуальное современное звучание, трансформируясь в идею виртуальных реальностей.

Когда мы говорим о символе, то мы допускаем его проникновение на все уровни реальности. Он может относиться к «космическому процессу, к социальной или религиозной деятельности, к драме сознания, к личному кризису или к органической функции человеческого тела» [5, с. 216]. В разных сферах один и тот же символ приобретает разное значение.

Смысл знака дан и функционирует на одном уровне структуры Вселенной. И этим определяется то, что знак, как правило, понятен всем. Понятен в том смысле, что для его функционирования как знака необходимо только знание его непосредственного значения. Символ же в одной и той же фигуре может быть и скрытым, и явным. Его понимание зависит от усилий сознания (работающего с символом), позволяющих субъекту этого сознания проникнуть в те сферы бытия, которые данным символом обозначаются. И так как полное понимание символа нашим сознанием невозможно, то некоторая доля непрозрачности для осознания символов является условием актуального духовно-практического освоения действительности, связанного с работой с символом.

Поскольку всегда есть возможность множественного осознания одних и тех же символов, постольку всегда будет существовать проблема их интерпретаций. М. Мамардашвили и А. Пятигорский в работе «Символ и сознание» утверждают, что множественность интерпретаций есть способ существования символов, «...какая-то степень или доза непонимания является проявлением или указанием на некоторую самостоятельную силу бытия, указанием на то, что какая-то граница непонимания должна сохраняться, потому что попытка полного понимания была бы просто элиминацией сущего» [13, с. 193]. Как нам кажется, это утверждение вполне созвучно мыслям

П. Флоренского о познании символа, которое в его мироощущении являлось «высвечиванием действительности иными мирами... которое удается осязать, нюхать, видеть, вкушать, настолько оно определено, и которое, однако, всегда бежит окончательного анализа, окончательного закрепления... Оно бежит, ибо оно живет; оно питает ум и возбуждает его, но никогда не исчерпывается построениями ума... И отказ от анализа, от знания – это не есть отступ пред неведомым, а напротив, это-то и есть истинное его познание, ибо неведомое, прежде всего, есть неведомое, в своей особой качественности, и то познание, которое сделало бы его не неведомым, которое лишило бы его качества неведомости, было бы не познанием, а величайшим заблуждением» [16, с. 138], лишая символ главного – манящей таинственной прелести.

Символы нельзя прямолинейно и грубо интерпретировать, расшифровывать. Их надо уметь пережить, их символическое значение надо почувствовать. В этом и заключается специфика интерпретации, поскольку смысл символа не может быть истолкован раз и навсегда, «его необходимо расшифровывать каждый раз заново, так же как ставить пьесу, читать стихи или исполнять музыкальное произведение, способ существования символа – переживание, переосмысление, про- и переговаривание. Он динамичен и принципиально незавершен» [16, с. 29]. Эту проблему остро чувствовал М.М. Бахтин, говоря о том, что «смысл символа нельзя разъяснить, сведя к однозначной логической форме, а можно лишь пояснить, соотнеся с дальнейшими символическими сцеплениями, которые подведут к большей рациональной ясности, но не достигнут уровня чистых понятий» [2, с. 361].

Одной из важнейших отличительных особенностей символа является то, что содержанием, смыслом символа в конечном итоге всегда выступают сущности более высокого порядка, чем содержание знака. Абстрактные идеи и понятия, универсальные принципы и закономерности, ценности и смыслы – те невидимые духовные реалии, все то, что не поддается нашему воображению, является неуловимым, невыразимым для нас само по себе, – сознательно символизируются. Символ – средство сделать какие-то незнанные вещи приемлемыми для нашего сознания. Новое, неизвестное постигается через известное (так происходит в архаическом символизме); невидимое постигается через видимое (так происходит в средневековом и любом религиозном символизме). Единственным способом «схватить», уловить, т. е. осознать это незнание, оказывается его закрепление в виде вещного субстрата – символа.

Таково различие между знаком и символом по степени значимости или – лучше сказать – значительности обозначаемого и символизируемого. Знаки означают просто что-то иное, чем они сами; в символах же символизируется нечто более «важное» или «высокое».

Еще одно различие между знаком и символом сопряжено с экзистенциально-ценностной сущностью символа. Знаки могут быть познаны чисто объективным образом, рационально, в порядке знания, а символы не представляют собой элементов рационального мышления, поскольку выходят за пределы этого мышления и могут быть только поняты, т. е. включены в целостность индивидуального или коллективного опыта. Символы – это определенные способы осознания, закрепления и трансляции экзистенциальных фактов и ситуаций, имеющих характер духовно-практического освоения и являющихся существенными компонентами эмоционально окрашенного коллективного или личного опыта.

Основная тенденция знаковости связана все-таки с известным нивелированием этого экзистенциально-личностного момента. Знаки, как правило, освобождают от личностных смыслов, выполняя свою инструментально-объективирующую функцию, облегчая социально-деятельностное взаимодействие. Главная особенность символов состоит в том, что на первый план в них выходит своеобразие личностного опыта, «они состоят из элементов, которые некогда были абстрагированы из человеческого опыта и эмоциональных реакций на этот опыт» [15, с. 213].

Символы всегда глубоко эмоциональны, способны возбудить определенное психологическое состояние, с которым и должны быть отождествлены. Эмоциональная насыщенность символа является его особенностью, поскольку он детище не «голового инстинкта и не сухого разума, но могучего духовно-психологического переживания, переживания обязательно коллективного... Сотни тысяч лет люди не сочиняли, а проживали символику, вживаясь в нее сообща, всем родом, племенем, народом. Оттого символика не нуждается в том, чтобы ее санкционировало индивидуальное сознание: она сама захватывает его императивно, ибо надындивидуальна» [14, с. 203].

Условия возникновения ассоциаций, ведущих к символу, всегда сопровождаются острейшими, эмоциональными состояниями, и позднее символ, вызвавший их к жизни, вновь вводит личность в эту эмоциональную ауру. И мы «в капельке воды вдруг узнаем вкус безбрежного моря, вдохнув на чужбине запах луга, вдруг чувствуем запах Родины... и вдруг открываем, о чем они говорят, и почти задыхаемся от потрясенности и радости: как такая малость смогла вместить такую огромность!» [9, с. 265].

Чем более чужд и отдален опыт, вызвавший символ, тем слабее воздействие символа, меньше его способность возбудить психологическое состояние, с которым он должен быть отождествлен. В древности это компенсировалось развитием ритуала, превращавшего личные, субъективные ассоциации и аналогии в общепринятые, «законные», ассимилируя все значимые для коллективного опыта символы, снова создавая необходимую аффективную ок-

раску, столь важную для воздействия, направляющего поведение и весь строй мыслей и эмоций.

Вызывая эмоции, символы придают значимость и ценность репрезентируемому ими содержанию. Символы всегда ценностны, сопринадлежны личности. Ценности экстерииоризируются в символах и способны, в свою очередь, эмоционально воздействовать на людей.

Таким образом, символы прежде всего ориентированы на уникальность личностного, экзистенциального опыта, а знаки – на фиксацию некоторого идеального содержания, доступного для многих.

Специфика символического сознания

Основные различия между символом и знаком позволяют выйти на проблему дифференциации различных типов сознания, а следовательно, и различных позиций человека в отношениях с реальностью.

Сознание человека не однородное, а гетерогенное образование, проявляющееся как минимум в двух принципиально различных формах. Лежащие в основе этих форм мыслительные операции и их результаты «следуют основополагающим принципам, весьма различающимся между собой не только функцией, но и своей природой, поскольку один из них связан со знаком, а другой – с символом» [17, с. 265].

Символ и знак, как два важнейших способа репрезентации смысла, определяют два типа функционирования сознания, работы с сознанием, а значит, и два типа регулирующей роли сознания в поведении и деятельности людей. Каждый из этих типов сознания составляет последовательно две фазы процесса становления личности в культуре – начальную, восходящую к архаическим слоям культуры, связанным с символом как средством смыслоориентации человека в мире, и более позднюю – знаково опосредованную, связанную с освоением научного знания и формированием научной картины мира.

Мы исходим из гипотезы о том, что в структуре сознания в целом следует выделять особый тип сознания, в котором активны символические образования. Это область сознания, заряженная неосознаваемыми и бессознательными установками, глубинными личными смыслами и мотивами, область, которая проявляется в особой нерелефлексивной, незнаковой форме – в виде символического сознания. Сон и жизнь в сновидении, воспоминания прошлого и переживания детства, ритуалы и верования, мифы, притчи, сказки, игра, искусство – все это модусы символического сознания, наполняющие смысловой резервуар человечества, создающие смысловые поля и личностные источники смыслов.

Символическое сознание предстает в своих различных ипостасях: как архаическое, мифологическое, чувственно-эмоциональное, мистическое, поэтическое, внерациональное и прочее. Определенную роль символическое сознание, как это достаточ-

но ясно раскрыто современной философией и методологией науки, играет и в научном мышлении.

Смена позиций в трактовке человеческого сознания достаточно четко обозначилась уже в начале нашего столетия, особенно в психологии, вместе с распространением открытий и практики психоанализа, который начал успешно корректировать поведение человека, адресуясь к его бессознательному, к «до-сознательным» формам регуляции деятельности. Однако не только классический психоанализ, но и различные направления современного психоанализа и гуманистической психотерапии, ориентированные прежде всего на изучение смысловых структур, апеллируют к укорененности в психике человека внерациональных форм сознания, к символическому сознанию, в котором осуществлена неразрывность мира субъекта с окружающим миром. Символическое сознание мыслится здесь как особая реальность внутреннего мира человека, где личностные, интимные смыслы слиты с актуализировавшими их внешними предметами или ситуациями, проявляются в них, определяя индивидуальное мироотношение и миропонимание.

Символическое сознание – наиболее ранняя и исторически, и онтогенетически форма сознания, связанная с еще не обособившимся от реальности сопричастными ей действиями и переживаниями человека. В настоящее время значимость символа в ранних формах человеческой культуры достаточно убедительно раскрыта в ряде философских и историко-культурных исследований.

Следует отметить, что современная отечественная философская и культурологическая мысль, в частности в русле так называемой эволюционной эпистемологии, многое сделала для преодоления недостаточного внимания к значимости ранних форм культуры и сознания в общем контексте понимания природы мироотношения, мировосприятия и миропонимания человека. Изменено отношение к этим ранним формам культуры и сознания только как к своего рода исторической экзотике, преодолено непонимание их конструктивного потенциала для современной культуры (см., в частности, работы И. А. Герасимовой [6, 7]). Эти исследования в плане эволюционной эпистемологии многое дают и для понимания собственно символа и символического сознания.

Однако зачастую чрезмерная акцентуация на своеобразии (с современной точки зрения) проявлений символа в архаических формах сознания, его укорененности в мифомагическом типе мировосприятия в какой-то мере способна затемнить его значимость в современную эпоху для самых различных форм культуры и человеческой деятельности.

Безусловно, мифологический период истории наиболее тесно связан со становлением символического осознания мира. Но символическое сознание как особый тип освоения действительности, который яв-

лялся ведущим способом традиционно-архаического отношения человека к миру, тем не менее свойственно и человеку современной культуры. Оно позволяет субъекту в ходе взаимодействия с реальностью обнаруживать и актуализировать в символах всё новые смыслы бытия, не объективируемые в рациональной форме и не сводимые к утилитарным смыслам чувственно воспринимаемой обыденной реальности.

Символы представляют собой итог «определенного способа осознания родом человеческим деятельности и событий, которые входят в его опыт в течение эпох» [15, с. 216]. Поэтому символы сохраняются во все времена, у всех народов, являя собой структуры человеческого символического сознания, вобравшего коренные, глобальные элементы общечеловеческого опыта. По мысли И.А. Бесковой, «несмотря на то что эти мыслительные структуры возникают на ранних этапах эволюции ментальности, они не только не исчезают и не замещаются современными средствами восприятия и переработки информации, но и по сей день представляют собой важнейшую составную часть психики человека» [5, с. 98].

На протяжении веков в сознании человека символические структуры являются активными. Символическое сознание размывает границу между архаическим и современным сознанием, устанавливая тем самым некую связь времен в истории культуры. Длительность символической эпохи мировосприятия определила то, что «она вошла не просто в менталитет – в подсознание человека, в его генофонд, и таким образом, по сути, она и не кончалась – она продолжается и поныне и будет жить, пока жив человек» [14, с. 203].

Развитие высших форм мышления не вытесняет образно-символические структуры, а только лишь изменяет «точку сборки». Доминирование в современной культуре логико-знакового мышления не возникает естественным образом. Установка на логическое восприятие мира обычно формируется в детстве и требует усилий и повышенной активности мозговых систем, поскольку в этот период преобладает функционирование правополушарных способов переработки информации.

Если же в культуре не существует стадийной готовности, внутренней потребности или нацеленности на развитие дискурсивно-логического мышления, основанного на различении признаков, вербализации, построении однозначного контекста, концептуализации явлений действительности и т. п., то индивидуумы, существующие внутри такой культуры, способны сохранять доминантными правополушарные стратегии, лежащие и в основе символического сознания, как это происходит, например, в ряде восточных культур. Их «система знаний ориентирована “вовнутрь”, на познание внутренней природы человеческого духа, внутренних побудительных мотивов динамики и мира человека, и мира природы... Разум не рассматривается как средство, доста-

точное для постижения глубинной сущности феноменов. Только интуитивное прозрение и непосредственное усмотрение приоткрывают завесу тайны, под которой скрыты реальные, а не мнимые взаимосвязи» [4, с. 64–65]. В этих культурах «тысячелетиями каждое новое поколение с детских лет осваивало не только словесно-логическую речь, но и символические языки звуков, цветов, жестов, поз, геометрических форм, которые были взаимопереводимы и взаимозаменяемы при передаче определенного содержания» [5, с. 115].

Символическое функционирование сознания может придавать символический характер самым различным формам деятельности, «имеющей инструментальное предназначение: прямым религиозно-магическим действиям, непосредственной языковой коммуникации, потреблению предметов материальной и духовной культуры, моральным поступкам, национальным движениям, политической борьбе и т. д.» [1, с. 54]. Символы могут проявляться как в вещах, так и в жестах, именах, названиях, они присутствуют в мыслях и чувствах, оформляя смутные желания и моделируя поведение, вызывая чувство сопричастности племени, роду, нации, государству, природе и т. п.

Прекрасный пример сохранения символов и проявлений функционирования символического сознания в нашем современном культурном пространстве приводит М. Новикова: «Символы существуют повсюду, они – воздух культуры и всего человеческого общежития... Пока существуют в культуре человечества площади, они неизбежно будут помнить свое исконное ритуально-символическое предназначение: быть священным центром селения, местом сбора всех жителей при важнейших событиях. Когда храм на площади заменило здание ЦК или правительства, это означало одно – символика уцелела, ее лишь перевели с языка религии на язык идеологии. Когда же демонстрации на Красной площади отменили вовсе, это также нечто означает. А именно: свято место пусто не будет. Его займут силы, которые несут с собой символы, отвечающие злобе дня, но которые подхватят еще и «вечную» символику площади – как места встречи с судьбой всего рода и народа. Только транспортной развязкой или подмостками для поп-групп площадь в окончательной перспективе стать не сможет» [14, с. 207].

Символ действует там, где открывается область значительного и значимого, осмысленного. Симво-

лическое сознание проявляется в особые моменты существования – подлинные, ценные, наполненные смыслом, окрашенные соответствующими эмоциями. Символы как таковые отображают смысл, который нам несут те или иные формы деятельности. Символическое мирознание обращается в глубину бытия и при этом оперирует не понятиями, а живыми, полными красок и запахов символическими образами.

Выделяя символическое сознание как особый тип, надо иметь в виду, что реально оно переплетено с другими формами сознания, между которыми не существует жестких перегородок. Но при этом, являясь компонентом, если угодно, определенным параметром, «измерением» различных форм сознания, символы как механизмы работы символического сознания сохраняют свою определенную специфику и своеобразие, функционируя в этих формах сознания.

Современные неклассическая философия и методология науки вынуждены расстаться с иллюзией о возможностях полной контролируемости, полной артикулируемости в рационально-рефлексивном сознании познавательных средств, которыми пользуется наука. То, что рассматривается классической гносеологией как недостаток или слабость символа и символического сознания по сравнению с научно-понятийным мышлением: незавершенность, некоторая неопределенность, открытость символических смыслов, в современной постклассической философии выступает как определенное преимущество. Современная философия и методология науки исходят из того, что сами четко определенные рационализированные научные понятия и теории черпают свое содержание из некоторых предпосылок, не отличающихся подобной четкостью и определенностью. В формировании этих предпосылок значительную роль играют интуиция, символизм и другие формы нерационализованного сознания, посредством которых осуществляется связь человеческого сознания с целокупностью собственного бытия в мире.

Подобные исходные предпосылки научного взгляда на мир являются каналом связи четко артикулируемых форм научно-рационального мышления со всем массивом культуры и сознания, обеспечивающим вписанность человека в мир. И именно символическое сознание выступает необходимым условием включения людей в этот универсум.

Литература

1. Антонов В.И. Символизация как социокультурная и познавательно-практическая проблема. М., 1992.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Бенуас Л. Знаки, символы и мифы. М., 2004.
4. Бескова И.А. Ментальность в эволюционно старых и эволюционно молодых культурах // Эволюция, культура, познание. М., 1996.
5. Бескова И.А. Проблема соотношения ментальности и культуры // Когнитивная эволюция творчества. М., 1995.
6. Герасимова И.А. Человек в мире: Эволюция сознания. М., 1993.
7. Герасимова И.А. Музыкальное понимание // Эволюция, культура, познание. М., 1996.
8. Коршунов А.М., Мантатов В.В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974.
9. Кураев А. Традиция. Догмат. Обряд. М., 1995.
10. Кулагина Н.В. Символ как средство мировосприятия и миропонимания. М., 1999.
11. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
12. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
13. Мамардашвили М.К. Пятигорский. Символ и сознание. М., 1997.
14. Новикова М. Символы // Новый мир. 1995. №2.
15. Радьяр Д. Планетаризация сознания. М., 1995.
16. Савчук В.В. Кровь и культура. СПб., 1995.
17. Тодоров Ц. Теории символа. М., 1999.
18. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992.
19. Швырев В.С., Полторацкий А.Ф. Знак и деятельность. М., 1970.

Symbol and symbolic consciousness

N. V. Kulagina

Ph.D. in Philosophy, Director of the humanitarian editorial office projects at the Moscow representative office of the Piter publishing house

The article is devoted to the analysis of symbol regarding it as a mediator in the relationship between the man and the world and as something which necessary exists in every culture. It also reviews specifics of symbolic consciousness. The author focuses on the distinction between sign and symbol and on the specificity of symbol in comparison with sign. The article shows that symbol is a universal medium for regulating spiritual and practical experience that allows one to reveal and actualize meanings of holistic existence in the process of interaction with reality. Such meanings cannot be objectified or recognized by means of rational forms or signs. The author forms a hypothesis that there is a special type of consciousness in the structure of consciousness itself, in which symbolic formations are quite active. Charged with unrecognized and unconscious attitudes, deep meanings related to one's personality, and motives, this area of consciousness reveals itself in a special «non-reflective», non-sign form, that is, in a form of symbolic consciousness. The integrality of one's perception of the world is determined by symbolic functions of consciousness that define the potentialities of people's attitude (also charged with deep meanings) towards the world they are integrated in.

Keywords: symbol, sign, symbolic consciousness, analogy, association, interpretation, perception of world, meanings, values, experience.

References

1. Antonov V. I. Simvolizatsiya kak sociokul'turnaya i poznavatel'no-prakticheskaya problema. M., 1992.
2. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979.
3. Benuas L. Znaki, simvoly i mify. M., 2004.
4. Beskova I.A. Mental'nost' v evolyucionno staryh i evolyucionno molodyh kul'turah / Evolyuciya, kul'tura, poznanie. M., 1996.
5. Beskova I. A. Problema sootnosheniya mental'nosti i kul'tury / Kognitivnaya evolyuciya tvorchestva. M., 1995.
6. Gerasimova I.A. Chelovek v mire: Evolyuciya soznaniya. M., 1993.
7. Gerasimova I.A., Muzykal'noe ponimanie // Evolyuciya, kul'tura, poznanie. M., 1996.
8. Korshunov A.M., Mantatov V. V. Teoriya otrazheniya i evristicheskaya rol' znakov. M., 1974.
9. Kuraev A. Tradiciya. Dogmat. Obryad. M., 1995.
10. Kulagina N.V. Simvol kak sredstvo mirovospriyatiya i miroponimaniya. M., 1999.
11. Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. M., 1976.
12. Losev A.F. Znak. Simvol. Mif. M., 1982.
13. Mamardashvili M.K. Pyatigorskii. Simvol i soznanie. M., 1997.
14. Novikova M. Simvoly // Novyi mir. 1995. №2.
15. Rad'yar D. Planetarizatsiya soznaniya. M., 1995.
16. Savchuk V.V. Krov' i kul'tura. SPb., 1995.
17. Todorov C. Teorii simvola. M., 1999.
18. Florenskii P.A. Detyam moim. Vospominaniya proshlyh dnei. Genealogicheskie issledovaniya. Iz soloveckih pisem. Zaveshanie. M., 1992.
19. Shvyrev V.S., Poltorackii A.F. Znak i deyatel'nost'. M., 1970.